

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ИСТОРИЯ

МИР ПРОШЛОГО В СОВРЕМЕННОМ ОСВЕЩЕНИИ

---

*Сборник научных статей
к 75-летию со дня рождения
профессора Э. Д. Фролова*

Под редакцией профессора А. Ю. Дворниченко

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2008

Процессы стратегов по исангелии в IV в. до н.э. и афинская демократия

Исангелия (εἰσαγγελία — букв. «объявление, донесение») — особого рода жалоба, или донос о государственном преступлении, т. е. тяжком преступлении, угрожавшем безопасности государства, — была самым опасным для обвиняемого видом политического процесса в Афинах и единственным, который мог проходить не только в гелиэе, но и в экклесии. Предположительно в конце V в. до н. э.¹ был принят особый закон о чрезвычайных заявлениях — νόμος εἰσαγγελτικός, четко формулировавший, в каких случаях следовало подавать чрезвычайную жалобу: попытка ниспровержения демократии и составление заговора (гетерии) с этой целью; измена отечеству и дружественным городам; речи или предложения продажного политика, направленные против блага народа или обманывающие народ (содержание данного закона см. в: Нур., IV, 7–8; Pollux, VIII, 51; Lex. Rhet. Cantabrigiense, s.v. εἰσαγγελία).

По утверждению наших источников (Dem., VIII, 28–29; XIII, 5; Нур., IV, 27), главными жертвами исангелий были стратеги. Подробный анализ процессов, проведенный М. Хансеном и Р. Синклэром, подтверждает эти сведения²; Л. Сэмонс пишет о «шокирующей частоте», с которой привлекались стратеги к суду³. Как Дамоклов меч, над головой афинского полководца висела угроза обвинения в государственном преступлении: в случае неудачи, «если бы он потерял один город или только десяток кораблей... сразу бы на него донесли, обвинив в предательстве», потащили в суд и осудили бы на смерть» — эту душераздирающую картина рисует

---

¹Аргументы в пользу датировки 411/10 г., которой придерживается большинство исследователей см.: Thalheim Th. Zur Eisangelie in Athen // Hermes. Bd. 37. 1902. S. 339–345; idem. Eisangelie-Gesetz in Athen // Hermes. Bd. 37. 1902. S. 306–309.

²Hansen M. H. Eisangelia. The Sovereignty of the People/s Court in Athens in the Fourth Century B.C. and the Impeachment of Generals and Politicians // OUCS. Vol. 5. 1975. P. 59–60, 68–120; Sinclair R. K. Democracy and Participation in Athens. Cambr., 1993. P. 146–152.

³Samons L. J. What's Wrong with Democracy? From Athenian Practice to American Worship. Berkeley; Los Angeles; L., 2004. P. 146. Также: Mossé C. Athens in Decline 404–86 B.C. L.; Boston, 1973. P. 24.

Демосфен (XX, 79 — пер. В. Г. Боруховича). В первой филиппике великий оратор сокрушается: «А сейчас у нас дела дошли до такого позорного состояния, что из военачальников каждый по два, по три раза судится у вас по делам, которые караются смертной казнью, с врагами же ни один из них не имеет решимости сразиться с опасностью быть убитым; смерть охотников за рабами и смерть грабителей они предпочитают почетной смерти: злодею ведь подобает смерть по приговору суда, а полководцу смерть в бою с врагами» (IV, 47 — пер. С. И. Радцига). Парафразируя Демосфена, можно сказать, что для стратега риск быть приговоренным к смертной казни по обвинению в государственном преступлении был более весом и реален, чем риск погибнуть в бою. Если этот и подобные ему риторические пассажи хоть в какой-то степени основаны на реальных фактах, есть серьезный повод для обвинения в адрес афинской демократии. Из источников нам известны имена 143 стратегов (432–355 гг.), из них более 30 обвинялись по исангелиям, если прибавить сюда другие виды процессов, эта цифра еще более возрастет. Всего из 37 привлеченных к суду стратегов только 5 были оправданы, 6 отделались штрафом, 21 были приговорены к смерти (10 — *in absentia*).⁴ За тот же период погибло в сражениях или было казнено врагами 24 стратега (из них 21 в Пелопоннесскую войну).

В нашей статье мы остановимся на некоторых процессах по исангелии IV в. до н. э., фигурантами которых были главным образом афинские стратеги или политики — ораторы, послы, выполнявшие различные поручения демоса. Их анализ позволит нам сделать некоторые наблюдения относительно особенностей афинской прямой демократии.

В 389 г. (или 388) по исангелии был обвинен Эргокл, участвовавший в походе Фрасибула к берегам Малой Азии и, вероятно, бывший стратегом 390/89 г. вместе со своим погибшим другом.⁵

---

⁴Эти 143 «покрывают» 289 стратегий из общего количества 770 (за 77 лет). Подсчеты — М. Хансена: *Eisangelia*. P. 60–63; *idem*. *The Athenian Democracy in the Age of Demosthenes: Structure, Principles, and Ideology*. Norman, 1999. P. 217 (уточнены). Синклер (*Democracy*... P. 148) полагает, что относительно некоторых примеров, приведенных Хансеном, нет уверенности, что обвинение было именно по исангелии; это могли быть и другие процессы, в частности *euthynai*.

⁵Фрасибул был убит нападавшими на афинский лагерь жителями малоазийского г. Аспеда, разгневанными грабежами афинских солдат (*Xen. Hell.*, IV, 8, 25). Эргокл вместе с Фрасибулом (из Стерийского дема) освобождал когда-то

Против него были выдвинуты обвинения во взяточничестве, растрате и измене (δωλοδοχία, κλοπή, προδοσία — Lys., XXVIII, *passim*). Он был приговорен к смерти, а спустя какое-то время был привлечен к суду Филократ, приятель и казначей Эргокла, обвиненный в присвоении 30 талантов из собранных Эргоклом денег (Lys., XXIX); исход его процесса неизвестен.

Два раза под суд попадал стратег Фрасибула из дема Колит — в 387/6 и 382 г. (Dem., XXIV, 134). Судя по словам Лисия в речи, написанной им для одного клиента, Фрасибул обвинялся в том, что будучи подкупленным, передал врагам два афинских корабля, за мзду выкупал афинских пленных и опять же за взятку устроил переворот в Фивах (имеются в виду захват спартанцами Кадмеи и приход в Фивах к власти аристократической партии в 383 г.) (XVI, 23–24). Очевидно, что истина здесь плотно упрятана за инсинуациями обвинителя. Во всяком случае, Ксенофонт ни слова не говорит о том, что Фрасибул за взятку передал триеры спартанцам, рассказывая в пятой книге «Греческой истории» о том, как в 387 г. спартанский командующий Анталкид захватил у Абидоса афинскую эскадру, которой командовал Фрасибул (V, 1, 26–27): обвинение в измене на первом процессе Фрасибула вполне возможно явилось следствием данного поражения и потери кораблей. Смехотворно обвинение в устройстве переворота в Фивах (второй процесс), но какие именно действия Фрасибула дали повод связать его с несомненно неприятным для Афин инцидентом в Беотии, — неясно. Скорее всего стратег был дважды оправдан, иначе он не смог бы, как следует из той же речи Лисия, оспорить докимасию Леодаманта и ходатайствовать за своего протеже Евандра (XXVI, 21–23).

Фрасибул был не единственным стратегом, расплачивающимся за фиаско у Абидоса. Дионисий, стратег 387/6 г., как вероятно, и его коллеги Деменет, Леонтих и Фаний,⁶ был обвинен за неудачные действия против вышеупомянутого Анталкида (об этих действи-

---

Афины от тирании Тридцати (Lys., XXVIII, 12). О возможной стратегии — см.: Hansen M. H. *Eisangelia*. P. 88.

⁶Упоминаний о судебном процессе Деменета, Леонтиха и Фания в источниках нет, но после данной истории они уже никогда не исполняли должности стратегов, поэтому высказывались предположения, что их также привлекли к суду (тогда же или позже): Roberts J. T. *Accountability in Athenian Government*. Madison, 1982. P. 104.

ях — Xen. Hell., V, 1, 26) и приговорен к смерти или к большому штрафу: Демосфен приводит этот пример в своем реестре стратегов, подвергнутых подобной каре (XIX, 180).

Вскоре после исполнения стратегии (около 387) был обвинен в растрате государственных средств известный политик Агиррий,⁷ имевший большие заслуги перед демосом, что особенно подчеркивает Демосфен (XXIV, 134) (он восстановил теорикон, ввел плату за посещение народного собрания, увеличил её до трех оболов — Aristot. Ath. pol., 41, 3; Schol. Aristoph. Eccles., 102; Harp., s.v. θεωπιχά). Агиррий был присужден к штрафу и некоторое время провел в тюрьме как государственный должник (Dem., XXIV, 134).⁸

Зимой 379/8 г. два стратега (их имена неизвестны), возглавлявшие афинский контингент на границе Аттики и Беотии, были преданы суду по исангелии за то, что по просьбе фиванских изгнанников помогли восставшим сторонникам демократии изгнать спартанский гарнизон из Кадмеи и таким образом освободиться от спартанской оккупации, — очевидно, не столько за сам факт оказания помощи (действия фиванских демократов не могли не вызвать сочувствие в Афинах), сколько за то, что принимали решение и действовали без санкции демоса. На решение народа мог повлиять и страх перед возможными ответными мерами со стороны спартацев, для которых афинское содействие в деле изгнания спартанского гарнизона из Кадмеи не осталось незамеченным (Xen. Hell., V, 4, 19).⁹ Один из стратегов, успевший бежать, спас таким образом свою жизнь, а его коллега был осужден и казнен (Xen. Hell., V, 4, 19).

Одним из лучших афинских полководцев IV в. до н. э. был Тимофей, сын Конона. Он был выбран стратегом в 378 г., а в 375 г. во время известного «западного похода» одержал победу над спар-

---

⁷П. Клоше полагает, что обвинение против известного политика могло быть и не связано с его стратегией (Les procès des stratèges athéniens // REA. T. 27. 1925. P. 106); напротив, Дж. Робертс не исключает связи между исполнением обязанностей стратега (в частности, ведением боевых действий в Малой Азии) и обвинением против Агиррия, отсюда и предлагаемая ею датировка данного процесса (в источниках прямых сведений о его дате нет) (Roberts J. T. Accountability... P. 105).

⁸Демосфен утверждает, что много лет, но возможно, это риторическое преувеличение (см.: Roberts J. T. Accountability... P. 105).

⁹На этом особенно настаивает: Roberts J. T. Accountability... P. 82–83, 165–166.

танским флотом в Ионийском море у Акарнании (Нер. Тим., 2). В середине 70-х наряду с Хабрием он был самым популярным стратегом в Афинах. В 373 г. Тимофей по поручению демоса готовил экспедицию на Керкиру (для освобождения её от спартанской осады), но прежде он отправился в Фессалию и на о-ва Эгеиды, чтобы привлечь союзников, набрать экипажи и получить поддержку для этого предприятия. Полководец вынужден был расплачиваться с наемниками из своих собственных средств, полученных в том числе через займы. Все эти приготовления и хлопоты вызвали задержку с отправлением экспедиции, чем воспользовались его противники. Тимофей был отстранен от командования и привлечен к суду по обвинению в измене Ификратом (сменившим, кстати, Тимофея в должности стратега) и оратором Каллистратом (Dem., XLIX, 9, 13; Xen. Hell., VI, 2, 11–13; Lys., fr. 228; Diod., XV, 47, 2–4). Решение по исангелии принимала экклесия; к этому времени керкиряне одержали убедительную победу над спартанцами, и опасность для афинского союзника миновала. Тимофей был оправдан,¹⁰ однако его казначей Антимах был приговорен к смерти (по обвинению в *κλοπή*), а его имущество конфисковано. На оправдательный вердикт мог повлиять тот факт, что свидетельствовать в пользу Тимофея в Афины прибыли Ясон Ферский и эпирский царь Алкет (Dem., XLIX, 9–10).¹¹ Тимофей покинул Афины и несколько лет, как когда-то его отец, служил наемником за границей (у персидского царя — Dem., XLIX, 25–30).

Афинские посланники, отправляемые с различными дипломатическими миссиями, оказывались в той же «зоне риска», что и

---

¹⁰ Аполлодор в своей речи «Против Тимофея о долге» говорит, что Тимофея, за которого просили его близкие и родные, а также царь молоссов Алкет и ферский тиран Ясон афиняне «с трудом согласились оправдать» (Dem., XLIX, 10). Псевдо-Плутарх, напротив, заявляет, что Тимофей был осужден по обвинению Ификрата (*Vita X orat.*, 836d = Lys., fr. 228, Sauppe). Хансен доверяет больше этому сообщению (*Eisangelia*. P. 91), что странно — ведь Аполлодор произносил речь лишь примерно 11 лет спустя после процесса Тимофея и едва ли солгал бы относительно бесспорного факта, которого не могли не помнить его слушатели.

¹¹ Предположение американской исследовательницы Дж. Робертс о том, что обвинение, инициированное против Тимофея, было делом рук проспартанской мирной партией, возглавляемой Каллистратом, привлекшим Ификрата (*Roberts J. T. Accountability...* P. 44–45), кажется фантастическим, особенно в виду того, как рьяно Ификрат, избравший себе в помощники Каллистрата (*sic!*) и Хабрия, отправившись к Керкире, стал воевать со спартанцами (см. Xen. Hell., VI, 2, 14–39).

стратегии. Так, еще в 392/1 состоялся процесс Андокида и других послов (Эпикрата, Кратина, Евбулида), вернувшихся из Спарты с неприемлемыми условиями мира; по предложению Каллистрата их отдали под суд.¹² Демосфен перечисляет длинный список выдвинутых против них обвинений: действия вопреки постановлениям собрания (XIX, 278 — *παρα τὰ ράμματα... ἐπρέσβευσαν ἔχεινοι*), неточный доклад в Совет, сообщение неправильных сведений о союзниках и принятие даров (XIX, 279 — *καὶ ἠλέγχθησαν τινες αὐτῶν ἐν τῇ βουλῇ οὐ τἀληθῆ ἀπαγγέλλοντες... καὶ καταψευδόμενοι τῶν συμμάχων καὶ δῶρα λαμβάνοντες*). Не дожидаясь решения суда, обвиняемые добровольно удалились в изгнание. In absentia им был вынесен смертный приговор (Dem., XIX, 277, 289; Philoch., FgrHist., F 149A; Ps.-Plut. 835a). В 367 г. был возбужден процесс против Тимагора, обвиняемого в измене и подкупе во время посольства к персидскому царю (в 368/7 г.); Демосфен называет даже сумму взятки — 40 талантов (Dem., XIX, 137). Возможно, ему инкриминировалось в вину то, что он сговорился с фиванским посланником Пелопидом и действовал в ущерб интересам Афин на этих переговорах (Xen. Hell., VII, 1, 38; Plut. Pel., 30, 9–12). Дело слушалось в собрании (Dem., XIX, 31 — *κατεχειροτόνησεν ὁ δῆμος*), что и дает повод отнести его к процессам по исангелии.¹³ Тимагор был приговорен к смерти (Dem., XIX, 31, 137; Xen. Hell., VII, 1, 38).

В 366/5 г. Хабрий привлекался к суду как стратег, а Каллистрат — как оратор за сдачу Оропа¹⁴ Фивам; официальным обвинением была продосия (Schol. Dem., XXI, 64); обвиняемые были оправданы (Aristot. Rhet., 1364a19–23, 1411b6–10; Dem., XXI, 64; Plut. Dem., 5). Однако в 361 г. Каллистрат был обвинен, а когда он самовольно вернулся в 355 г. в Афины, смертный приговор был приведен в исполнение (Нур. IV, 1–2; Лус. I, 93) (см. ниже).

Бывали периоды особенно урожайные на обвинения — тогда, когда афиняне испытывали трудности в осуществлении своей политики. Например, серия неудач во Фракии и северной Эгееде, воспринимавшаяся особенно болезненно после успеха Тимофея на Самосе и возрождения имперских амбиций в середине 60-х гг. IV в., по-

¹²Подробнее об этом процессе — см.: *Pertman S. On Bribing Athenian Ambassadors // GRBS. Vol. 17. 1976. P. 230–231; Roberts J. T. Accountability... P. 88–93.*

¹³См.: *Hansen M. H. Eisangelia. P. 92.*

¹⁴Маленький городок на северо-восточной границе Аттики с Беотией — постоянное яблоко раздора между афинянами и фиванцами.

влекла за собой ряд процессов по исангелии в конце 60-х — начале 50-х гг.¹⁵ В речи «О преступном посольстве» Демосфен приводит список тех стратегов, которые не смогли удержать Херсонес Фракийский и были за это наказаны по чрезвычайной жалобе: Эргофил, Кефисодот, Тимомах, еще раньше — Эргокл, Дионисий и другие (ἄλλοι) (XIX, 180). Список стратегов (вместе с риторам), против которых выдвигалось обвинение в исангелии приводит и Гиперид, правда, его герои не захотели искушать судьбу и удалились в добровольное изгнание (IV, 1): Тимомах, Леосфен, Филон, Феотим (также с пометкой — «и другие»). Что же послужило причиной (или поводом) для выдвижения обвинений против перечисленных в этих двух списках афинских полководцах?

Эргофил, стратег 363/2 г., был смещен с должности и предан суду (в 362 г.) за то, что не помешал отпадению фракийского царя Котиса, но он хотя бы сумел избежать крайней меры наказания. (Dem., XXIII, 104; Aristot. Rhet., 1380b11). Его коллеге Каллисфену, действовавшему в р-не Амфиополя, повезло меньше: он заключил перемирие с македонским царем Пердиккой, которое тот впоследствии нарушил, — за свою излишнюю доверчивость афинский полководец поплатился смертным приговором по исангелии (официальное обвинение — в подкупе) (Aeschin., II, 30–31; Aristot. Rhet., 1380b13). Правда, Эсхин утверждает, что подлинная причина осуждения стратега была иной. По свидетельству Аристотеля, демос осудил Каллистрата на смерть за день до того, как оправдал Эргофила (Rhet., 1380b10–13) — последнему улыбнулось счастье, ибо афиняне уже удовлетворили свою ярость, отправив первого к палачу.¹⁶ Процесс Эргофила — последний из известных нам, который имел место в народном собрании.

Леосфен, потерпевший поражение от тирана Александра Фер-

---

¹⁵См.: *Cloché P.* Les procès des stratèges... P. 108; *Sinclair R. K.* Democracy... P. 149.

¹⁶См.: *Cloché P.* Les procès des stratèges... P. 109. Какое все же наказание понес Эргофил — загадка: Демосфен включает его в «черный список» стратегов, наказанных смертью или большим штрафом (XIX, 180), а по Аристотелю выходит, что ему удалось выйти практически сухим из воды (Rhet., 1380b10). Дж. Робертс предположила, что в том и другом случае мы имеем дело с риторическим преувеличением, и стратегу, скорей всего, был определен небольшой штраф (*Roberts J. T.* Accountability... P. 113, 218, note 27) — сущий пустяк по сравнению с той участью, которая постигла Каллисфена. М. Хансен полагает, что штраф был велик (Eisangelia. P. 86).

ского и потерявший пять трирем, в результате чего 600 афинян попали в плен, был обвинен по исангелии в предательстве, заочно осужден на смерть, а его имущество конфисковано (около 361 г. — Dem., LI, 9; Aeschin., II, 124; Нур., IV, 1; Diod. XV, 95, 2–3). Эсхин намекает на то, что он пал жертвой происков сикофантов (Ibid.). Аналогичная судьба (исангелия, предположительно смертный приговор in absentia) постигла Филона (Нур., IV, 1).¹⁷

О незавидной участи Автокла, преемника Эргофила на театре военных действий во Фракии и Геллеспонте (362/1 г.), несколько раз упоминается в речах Демосфенова корпуса (Dem., XXIII, 104; XXXVI, 53; L, 12). Афиняне не решились поддержать Мильтокита, восставшего против фракийского царя Котиса (последний угрожал афинским владениям на Херсонесе; Мильтокит же предложил афинянам Херсонес в обмен на помощь). Было принято соответствующее постановление, сковавшее инициативу Автокла. В результате кампания закончилась неудачно; вина за это была возложена на стратега; он был обвинен Аполлодором и привлечен к суду по обвинению в измене, тогда как авторы рокового постановления остались безнаказанными (Dem., XXIII, 104; Lex. Sap., s.v. *ῥητορικῆ*). Синегором или, быть может, логографом Автокла был Гиперид (Нур., fr. X, 59–69; Lex. Sap., s.v. *ῥητορικῆ*). Исход процесса, датированного М. Хансеном зимой 360 г., неясен.¹⁸ Сменивший Автокла Менон в свою очередь пал жертвой обвинений все того же Аполлодора (Dem., XXXVI, 53; L, 12 — подробности этого дела неизвестны¹⁹).

Тимомах (стратег в 367/6 и 361/0 гг.) избежал наказания за неудачу во Фракии, отправившись в добровольную ссылку (Dem., XXIII, 115; XXXVI, 53; L, passim; Aeschin., I, 56; Нур., III, 1). В качестве его обвинителя с исангелией выступил Аполлодор, как и против других стратегов конца 60-х гг. Тимомах был заочно приговорен к смертной казни (Schol Aeschin., I, 56). Видимо, данное дело, как и привлечение к суду Феотима примерно в то же время

---

¹⁷Филон, вероятно, тоже был стратегом, но неизвестно точно какого года (см.: Hansen M. H. *Eisangelia*. P. 95).

¹⁸Hansen M. H. *Eisangelia*. P. 96 (там же аргументы в пользу предложенной датировки).

¹⁹На основании того, что Менон был опять стратегом в 357/6 г., Хансен делает вывод, что он либо был оправдан, либо присужден к небольшому штрафу (*Eisangelia*. P. 98).

(Нур., III, 1), было связано с занятием фракийским царем Котисом Феста (Schol. Aeschin., I, 56), вызвавшим обвинение в измене против афинских военачальников. Как и Тимомах, Феотим предпочел пуститься в бега, чем дожидаться приговора гелиэи (Нур., III, 2).

Стратег Кефисодот осаждал в Алопеконнесе пиратов, которым шел на выручку Харидем. Афинский военачальник заключил с ним договор, условия которого вызвали недовольство демоса. В результате (в 359 г.) он почти чудом — большинством в три голоса — избежал смерти по обвинению в измене и был приговорен дикастами к штрафу в 5 талантов (Dem., XXIII, 167; Нур., s.v. Κηφισόδοτος; Schol. Aeschin., III, 51). Судя по реплике Эсхина, Демосфен имел некое отношение к исангелии против Кефисодота — возможно, он был синегором или логографом обвинителя (III, 52).

В 60-х гг. возвращается в Афины Тимофей и вновь становится влиятельной политической фигурой, особенно после того, как из-за потери Оропа были обвинены Хабрий и Каллистрат. Хотя последние были оправданы, их престижу был нанесен урон. Тимофей весьма успешно действует между 365 и 362 гг., устанавливает контроль над Сестом и Критотой на Херсоне Фракийском и многими городами Халкидики (Нер. Tim., 1). Эти победы, возможно, породили у его соотечественников завышенные ожидания по поводу возвращения Амфиполя и расширения влияния во Фракии, невольной жертвой которых стал сам полководец. В 360 г. он был обвинен небезызвестным Аполлодором, кажется, специализировавшимся на преследованиях неудачливых стратегов (Dem., XXXVI, 53). Результат процесса неизвестен.

В конце 60-х гг. Тимофей породнился со своим старым соперником Ификратом: сын Ификрата Менесфей женился на дочери Тимофея. Все трое были выбраны в коллегию стратегов на 356/5 г. и вместе с Харесом командовали флотом, действующим против мятежных союзников в восточной Эгейде. У Эмбаты Харес вступил в бой, но его коллеги не поддержали его, сославшись на шторм. Харес (в одиночку одержать ему победу не удалось) отправил в Афины письмо, обвиняя их в продосии.²⁰ Обвинения были подхвачены оратором Аристофонтом, сотрудничавшим с Харесом на протяжении

---

²⁰ Античная традиция рисует Хареса как жестокого, алчного и беспринципного демагога (см., например Diod., XV, 95, 3 — о его поведении на Керкире).

нескольких лет. Он обвинил Тимофея в измене и в том, что его подкупили хиосцы и родосцы, Ификрата — в измене, Менесфея — в распоряжении деньгами, выплаченными флоту (Lys., fr. XV; Isocr. XV, 129; Din., I, 14; Diod. XVI, 21; Nep. Tim., III; Iphicr., 3, 3). Судя по утверждению Дионисия Галикарнасского, обвинения были выдвинуты в форме исангелии и последовали за отчетом стратегов (Dion. Hal. De Lys., 12, 480; Din., XIII, 667; об εἰδύναμι упоминает также Исократ — XV, 129). Ификрат и его сын были оправданы, Тимофей — оштрафован на 100 талантов (Isocr. XV, 129). Будучи не в состоянии выплатить эту гигантскую сумму, он удалился на Халкиду, «изгнанный ненавистью неблагодарных сограждан» (odio ingratae civitatis exactus — Nep. Tim., 3, 5), где вскоре и умер.

Как объяснить столь различные приговоры фигурантам данного «громкого» процесса? Исократ, бывший когда-то учителем Тимофея, дает понять, что в постигшей того судьбе отчасти виноват сам его ученик, точнее особенности его нрава и поведения: он не угождал афинянам; его мнение по вопросам общегреческой политики и отношений с союзниками часто расходилось с мнением демоса; многочисленные войны он вел на свои средства и на свой страх и риск, без соответствующих псефизм; его дипломатичное и мягкое обхождение с врагами и союзниками разительно отличалось от поведения других стратегов (XV, 116–125). Ритор специально подчеркивает, что Тимофей не был народоненавистником (μισόδημος) или высокомерным (ὑπερήφας), но его отличала μεγαλοφροσύνη (131). Последняя может означать как «величие духа, возвышенный образ мыслей», так и «гордость, надменность». Исократ имеет в виду скорее всего и положительную, и отрицательную коннотацию: μεγαλοφροσύνη в целом достоинство, но иногда неуместное в повседневной жизни полиса, приведшее к неверному представлению о Тимофее как о высокомерном человеке, смотрящем на демос сверху вниз.²¹ В целом же, по мнению оратора, мы имеем дело с известной проблемой: народ (οἱ πολλοί) склонен к лести и больше любит тех, кто угождает ему, а не совершает нечто великое (132–133); если бы Тимофей искал его расположения (εὔνοια), ему бы возносили хвалу и прощали ошибки, а так как он этого не делал, его ставили ниже,

---

²¹См.: Ober J. Political Dissent in Democratic Athens: Intellectual Critics of Popular Rule. Princeton, 2002. P. 271.

чем бездарных и ничего не совершивших полководцев и политиков (134–138).

Похоже, отмечаемую Исократом у Тимофея гордость, нежелание заискивать перед демосом афиняне воспринимали как высокомерное и антидемократическое поведение, что и сыграло свою роль в решении судей наложить на него штраф, который а priori невозможно было выплатить.²² Что касается Ификрата (выходца из низов, его отец — сапожник), ему было легче найти общий язык с афинскими дикастами. Дополнительный штрих в вырисовывающуюся картину добавляет рассказ Полиена, правда, носящий анекдотичный характер: будто бы, Ификрат запугал судей, расставив рядом с дикастериями молодых людей, ненавязчиво демонстрирующих проходящим мимо дикастам спрятанные кинжалы (Polyaen., III, 9, 15; 29).

В 348 г. был привлечен к суду стратег Гегесилей, посланный на помощь тирану Эретрии на Эвбее и не сумевший её толково оказать; его родственник, известный афинский политик Евбул, отказался свидетельствовать в его защиту (Демосфен это специально подчеркивает); исход процесса неизвестен (Dem., XIX, 290 et schol.)

В 343 г. против Филократа, принимавшего участие во всех трех посольствах к Филиппу Македонскому в 346 г. (Dem., XIX, 13; 229; Aeschin., II, 18; 91), обвинение в виде исангелии выдвинул Гиперид с формулировкой «если кто, будучи оратором, говорит вопреки интересам афинского народа, получая деньги и подарки от врагов демократии» (IV, 29 — пер. Л. М. Глускиной). Дело слушалось в дикастерии, Филократ вынужден был удалиться в изгнание, чтобы избежать смерти; ему был заочно вынесен смертный приговор (Hyr. IV, 29–30; Aeschin., II, 6).

В 338/7 г. (после поражения при Херонее) Ликург обвинил члена коллегии стратегов Лисикла, вероятно, за продосию; стратег был осужден и казнен (Luc., fr. 75–76; Diod., XVI, 88, 1–2). В последние годы существования демократии (336–322 гг.) еще несколько раз случались процессы по исангелии,²³ однако, насколько можно судить по имеющейся у нас информации, стратегов, осужденных, так сказать, в связи со своей профессиональной деятельно-

²²См.: Sinclair R. K. Democracy and Participation in Athens. P. 168.

²³Перечень дел (достоверных и не очень) по исангелии за период с 336 по 322 г. — см в «Каталоге» М. Хансена: Eisangelia. P. 104–111.

стью, среди обвиняемых по чрезвычайной жалобе в этот период не было.

Возвращаясь к броской фразе Демосфена, предпосланной нашему обзору: «А сейчас у нас дела дошли до такого позорного состояния, что из военачальников каждый по два, по три раза судится у вас по делам, которые караются смертной казнью... etc.» (IV, 47 — пер. С. И. Радцига), — решимся утверждать, что, хотя великий вития несколько преувеличивал, все же он был очень недалек от истины. Парадоксально, но факт: с особой суровостью афинское народное собрание обходилось со своими стратегами в периоды, когда особенно велика была нужда во взвешенном и квалифицированном руководстве, будь то в годы Пелопоннесской войны или в середине IV в.

Как объяснить такое невероятное количество осужденных стратегов? Иногда указывают на то, что стратеги, недостаточно опытные и искушенные в военном искусстве, допускали серьезные ошибки и поэтому заслуживали смещения и обвинения: «военными любителями» называл афинских стратегов Чарльз Форнара; Дженифер Робертс посвятила целую главу своей книги промахам и злоупотреблениям смещенных и осужденных военачальников.²⁴ Подобный тон зададо, пожалуй, первое специальное исследование на данную тему — статья Поля Клоше «Процессы афинских стратегов». Французский историк полагал, что зачастую обвинения, выдвигаемые против стратегов, были обоснованы. Последние допускали и ошибки, и промахи, не брезговали мздоимством; правда, наказания бывали неадекватными — слишком суровыми; в то же время есть примеры, когда приговор не очень повлиял на моральное или материальное благосостояние осужденного или его близких и не мешал его дальнейшей карьере.²⁵

Однако, если мы посмотрим на обвинения, выдвигаемые против стратегов, то это — государственное преступление, чаще всего изме-

---

²⁴ *Fornara C. W.* The Athenian Board of Generals from 501 to 404. *Historia*, Einzelschriften 16. Wiesbaden, 1971; *Roberts J. T.* Accountability... Ch. VI. Guilt and Inadequacy. P. 107–123.

²⁵ *Cloché P.* Les procès des stratèges athéniens. P. 97–118, особенно — P. 113–116. В отдельных делах автор допускает наличие политической подоплеки (P. 116–117).

на, но не профессиональная некомпетентность или вызванные ею ошибки. Предлагалось и такое объяснение: афинские военачальники в первые десятилетия IV в. до н. э. частенько испытывали острую нужду в средствах из-за прекращения поступления в казну дани с союзников после распада архэ и необходимости платить наемникам; во время операций вдали от Афин они вынуждены были «просить» о помощи афинских союзников или насильственно изымать деньги в округе, что давало впоследствии повод к обвинению.²⁶ Поведение афинских полководцев нередко сравнивалось с деятельностью кондотьеров во главе получастных наемнических армий.²⁷ Клод Моссе считает участвовавшие процессы стратегов в 362–357 гг. следствием резко обострившейся в этот период политической борьбы в связи с возрождением «империалистической» политики, соответственно, усилением давления на союзников и выводом новых клерухий. Французская исследовательница неоднократно обращала внимание на то, что исангелия в IV в. использовалась как орудие в политической борьбе различных группировок, имеющих противоположные мнения относительно направлений афинской внешней политики: сторонники и противники активной эгейской политики (исангелии против Аристофана, Эргокла); группировка Каллистрата, считавшая после Левктр главной угрозой не Спарту, а Фивы, и группировка Аристофонта Азенийского, враждебная к лакедемонянам; затем — анти- и промакедонская партии.²⁸

Сходного мнения придерживается и Дженнифер Робертс, усматривающая во многих «impeachment trials» «партийную» подо-

---

²⁶См., например: *Hager H.* On the Eisangelia // *Journal of Philology.* Vol. 4. 1871. P. 83; *Mossé C.* Athens in Decline. P. 26. О поборах с купцов из союзнических городов — см. подробнее Dem., VIII, 24–25 с колоритным началом: «все военачальники, какие когда-либо выходили от вас в море (за правильность этого я готов отвечать каким угодно наказанием), берут деньги и с хисцев, и с эрифрейцев, и вообще со всех, с кого только могут взять...» (пер. С. И. Радцига). С другой стороны, стратеги часто тратили собственные средства на выплату жалованья наемникам и снаряжение: *Lys.*, XIX, 22 (Аристофан, потративший и свои и одолженные деньги); Dem., XVIII, 114 (Навикл, Диотим, Харидем); XLIX, 6–8 (Тимофей, залезший из-за этого в долги).

²⁷См., например: *Hansen M. H.* The Athenian Democracy... P. 234; *Пёльман фон Р.* Очерк греческой истории и источниковедения. СПб., 1999. С. 266.

²⁸*Mossé C.* Athens in Decline. P. 31; eadem. Politique et société en Grèce ancienne. Le «modèle» Athénien. P., 2003. P. 164–166.

плеку.²⁹ Американская исследовательница объясняет действия демоса также сугубо рациональными соображениями: народ таким образом осуществлял свой контроль над военачальниками, не допуская каких-либо поползновений к власти с их стороны, блокируя угрозу демократическому строю со стороны военных. Она вспоминает Рим, где отсутствие такого контроля и то, что одни и те же люди были и политическими лидерами, и военными героями, привело к вековому кровопролитию в гражданских войнах.³⁰ Хочется возразить американской коллеге: непонятно, почему контроль подразумевал *уничтожение* стратегов; кроме того в предыдущем веке все афинские политики были по совместительству и стратегами; судя по тому, что выбирались они в качестве последних именно демосом, перспектива «хунты» последнего тогда не пугала.

Иррациональное, точнее психоаналитическое, объяснение политике демоса в отношении своих стратегов (и вообще ярких лидеров) предлагает Эли Саган: он усматривает в ней глубоко укорененную в психе примитивную иррациональную потребность «поедания богов», особенно когда они обманули ожидания насчет своей всемогущности.³¹ «Как ребенок, демос стремится вверить себя целиком своим лидерам, приходя в ярость, когда лидерам, как родителям, не удается проявить всемогущество, всезнание или моральное совершенство».³²

Не чувствуя себя такими знатоками индивидуальной и коллективной психе, как американский психоаналитик, нам, тем не менее, также кажется, что одними тактическими промахами афинских военачальников или их поборами, а также идеологической или политической борьбой и соображениями «народного контроля» не объяснить столь сурового отношения демоса к своим лидерам. Афиняне всегда ожидали успеха от своих командиров. Как заметил Р. Синклер: «Склонные к высоким ожиданиям, афинские граждане были далеки от благородства, когда сталкивались с неудачей или

---

²⁹ Roberts J. T. Accountability... Passim. Особенно — ch. 4 «Factional Strife» (P. 55–83) и ch. 5 «The Impeachment Trials of the Corinthian War» (P. 84–106).

³⁰ Roberts J. T. Accountability... P. 174.

³¹ Sagan E. The Honey and the Hemlock: Democracy and Paranoia in Ancient Athens and Modern America. N. Y., 1991. 168–185 (с примерами того, как эта потребность выливалась у разных народов — ацтеков, племен Таити и т. п. — в соответствующие магическо-религиозные обряды; как одно из её проявлений рассматривается остракизм).

³² Sagan E. The Honey and the Hemlock. P. 195.

поражением».³³ Стратеги отвечали за все, что не соответствовало этим ожиданиям. Демос, осуществляя свою власть и требуя отчетности от всех должностных лиц, был немилосерден к своим лидерам, за военный или внешнеполитический провал предъявляя стандартное обвинение в измене (*προδοσία*). Таким образом, не иррационализм и шараханье из стороны в сторону, присущие толпе, а производные от прямой демократии всевластие и безнаказанность демоса, не несущего ответственности за собственные ошибки, но не прощающего чужие, не терпящего разочарования и склонного к поискам «козла отпущения», — были причиной судебных расправ над стратегами, и неважно осуществлялись ли они на Пниксе или в залах гелиэи.

О пагубности практики, когда только политики отвечали за свои предложения, а народ не нес никакой ответственности за свои решения, писал еще Фукидид (речь Диодота в знаменитых митиленских дебатах, высветивших главные проблемы и пороки афинской прямой демократии): «Если бы тот, кто вас убедил, и тот, кто последовал совету, испытывали одинаково дурные последствия, то вы выносили бы решения более осмотрительные. Теперь же в случае неудачи вы при первой вспышке гнева караете одно только предложение лица, натолкнувшее вас на решение, но не караете ваши собственные решения, хотя бы последние, несмотря на то что они приняты народной массой, оказались также ошибочными» (III, 43, 5 — пер. Ф. М. Мищенко и С. А. Жебелева).

Свою долю ответственности за подобного рода настроения среди афинян несут и афинские риторы — политики, которые в своих речах науськивали демос на своих политических противников, не стесняясь в обвинениях, и таким образом создавали благоприятную обстановку для «охоты за ведьмами». Тот же Демосфен, так сокрушавшийся о беспочвенных преследованиях стратегов, в речи «Против Тимократа», написанной им для Диодора, позволяет себе такие упреки в адрес противников: «Один из вас, Тимократ и Андротион, уже более тридцати лет занимался политической деятельностью. За это время многие стратеги и ораторы, совершившие государственные преступления, были осуждены этими судьями, причем одни из них за свои преступления заплатились жизнью, другие, мучившиеся раскаянием, добровольно ушли в изгнание. Почему же ни один

---

³³ Sinclair R. K. Democracy and Participation in Athens. P. 146.

из вас ни разу не проявил и тени негодования по поводу ущерба, нанесенного государству?» (XXIV, 173 — пер. В. Г. Боруховича). Выходит, что оратор упрекает Тимократа и Андрогиона в недоносительстве и отсутствии рвения в судебном преследовании стратегов и риторов. Стоит ли говорить, что пестуемый Франкенштейн обрушивался прежде всего на своих создателей, и жертвами чрезмерного рвения доносчиков становились в первую очередь афинские риторы и самый великий из них — Демосфен, неоднократно бывший мишенью всевозможных исков и преследований (XVIII, 249–250). Хотя и в меньшей степени, чем стратеги, риторы также могли опасаться обвинений по исангелии.³⁴ По подсчетам М. Хансена из около 130 обвинений по исангелии, известных нам а период с 492 по 322 гг. до н. э., 17 были направлены против ораторов, выступавших в собрании.³⁵

Дилемма, которая неумолимо встает после анализа процессов по исангелии и другим государственным преступлениям, была сформулирована самым видным современным апологетом афинской демократии М. Хансеном: либо мы признаем, что афинский народ выбирал в качестве своих военачальников огромное количество неумелых, вероломных и коррумпированных стратегов, либо признаем, что афиняне осудили огромное количество честных и невинных людей по лживым обвинениям.³⁶ Выбор предопределен: как ни пытались историки найти хоть какие-то основания для тех серьезных обвинений, которые выдвигались в адрес афинских военачальников, ничего кроме невезения, неопытности, или на худой конец, некомпетентности, обнаружить не удалось.³⁷ Иначе говоря, неумелые или неуспешные действия стратегов назывались изменой или подкупом и подпадали под действие закона об исангелии. С грустью М. Хансен признает, что, судя по количеству политических процессов, афинская политическая система имела серьезный дефект. Оказывается, прямая демократия может использовать те же судебные методы, что и тоталитарное государство, и афинский демос вел себя подобно тирану не только по отношению к союзникам, но и по от-

---

³⁴ Более распространенным, т.е. «коронным» обвинением против политика-ритора, было обвинение по жалобе на противозаконие.

³⁵ Hansen M. H. *The Athenian Democracy...* P. 216.

³⁶ Hansen M. H. *Eisangelia*. P. 65; idem. *The Athenian Democracy...* P. 217.

³⁷ См.: Knox R. A. «So Mischievous a Beaste?» *The Athenian «Demos» and Its Treatment of Its Politicians* // G&R. Vol. 32. № 2. 1985. P. 145.

ношению к собственным лидерам.³⁸ Подобное сравнение пришло на ум и К. Доверу: «Греческая демократия, знаящая из своего опыта о внешних врагах, угрожавших существованию народа, и о том, что демократический строй находится под угрозой свержения как изнутри, так и извне, часто говорила и вела себя таким образом, который напоминает больше тоталитарные государства, чем известные нам парламентские демократии».³⁹

---

³⁸*Hansen M. H.* Eisangelia. P. 65; idem. *The Athenian Democracy...* P. 217.

³⁹*Dover K. J.* *Greek Popular Morality in the Time of Plato and Aristotle.* Berkeley; Los Angeles, 1974. P. 159–160.